

ДНЕВНИК

A painting of a narrow street between red brick buildings. The street is paved and has a dark, shadowed area in the center. A cyclist is riding away from the viewer in the foreground. In the distance, a small boat is visible on the street. The buildings are multi-story with many windows. The sky is a pale, hazy yellow.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Шлебин

Денис Шлебин

Дневник

«Автор»

2020

Шлебин Д.

Дневник / Д. Шлебин — «Автор», 2020

Денис Шлебин современный, молодой писатель, создавший свой неповторимый мир с реалистичными, живыми персонажами, которые пьют, дерутся, курят, матерятся. Книга «Дневник» наполнена остросюжетными историями, описанными легко и с юмором, которые оборачиваются абсурдом. Автор искусно и откровенно вскрывает пороки человека, от чего вгонит вас в краску. Ну и, конечно же книга о любви, дружбе и душевных метаниях. Так что, если вы ищете чего-то нового и с «перчиком», то перед вами та самая книга. Содержит нецензурную брань.

© Шлебин Д., 2020

© Автор, 2020

Денис Шлебин

Дневник

18/09/15

Я не знаю точно, что послужило толчком к тому, чтобы я начал вести записи. Возможно это моя предстоящая женитьба, возможно резкая смена деятельности. Но отдельно хотелось бы отметить влияние сериала «Блудливая Калифорния» с Дэвидом Духовны в главной роли. Он великолепно вписывается в роль спившегося писателя-ёбыря, даже больше, нежели в роль агента ФБР Фокса Малдера.

Ух ты, неожиданный поворот для меня самого, абсолютно не хотел посвящать этому актёру целый абзац. В общем-то это мой дневник и пишу я для себя. Накопилась куча невысказанного окружающим, а в первую очередь, самому себе.

Итак, такая «заметка на полях», так сказать, для самого себя:

Ни при каких обстоятельствах не останавливаться, даже если зайду в тупик.

Писать всё, что хочется, не думать, хорошо это или плохо. Высказываться.

Не сочинять, а писать правду.

Сегодня восемнадцатое сентября, пятница (как в школе, блядь). И я начал вести дневник. Утро началось не у меня «дома», да у меня его и нет (по привычке хочется поставить смайлик). Проснулся у друга Егора с лёгким недопониманием реальности, видимо, вчерашняя трава ещё не отпустила. Выпили кофе, я съел Ашлян-Фу, купленное заранее вечером для завтрака. Посмотрели две серии «Блудливой Калифорнии». Знатно обосрался и поехал на велосипеде, на репетицию. Я играю на тарелках в барабанном шоу «Ener Beat», занятие так себе, но денег приносит достаточно для моего скромного существования. Настроение с утра было просто великолепное, проезжая по микрорайону, среди четырёхэтажных панельных домов, по аллее, решил немного срезать и поехал по видневшейся впереди тропинке, через пустырь с редко расставленными, железными гаражами с ржавыми потёками по бокам от мочи. Засмотрелся на девушку, не заметил арык и перевернулся, ничего серьёзного, поцарапал колено и ушиб ладони. Надо признать мне удалось привлечь к себе внимание, и не только её.

– Вы в порядке?

– Всё охуительно. – Ответил я и на этом наша беседа закончилась.

На репетицию опоздал, я часто опаздываю, возможно это такое амплуа распиздяя, а может и черта характера. Надо на досуге исследовать это явление.

На репетицию пришли не все. Прогнали два номера, немного попридумывали новый номер, а остальное время сидели, пили кофе, пацаны усердно накуривали и без того вонючий подвал. И всё время трещали, в основном над Упырём, что он толстый и педик, хотя, вроде и не педик.

После репетиции заехал в то место, которое называю «домом» и узнал, что братишка спалил движок на мотоцикле, а как раз накануне я решил его продать, чтобы поехать к будущей жене в Ташкент и привезти её сюда. Вот такая жопа.

Затем поехал в художественную «Мастерскую», сегодня у меня был первый урок, который я отвёл самостоятельно, должно было быть около 10-ти детей, а пришли всего две девочки. Прошли с ними построение рисунка, светотень и штрих.

После занятий поехал к другу Джону, путь до него занял минут 15, погода была пасмурная и по пути пришлось надеть кофту. О чём думал пока ехал, не помню, но мысли однозначно были неплохими.

С Джоном пили кофе и пиздели о всякой хуйне: о траве, былых тусовках. Да, тусили мы знатно. Он с мамой и братом Саней снимал дом, по которому ползали толстые и противные слизняки, он посыпал их солью и они растворялись, словно маленькие вампиры под лучами яркого солнечного света. Во дворе у него росла яблоня, а летом его мама сажала цветы – розы,

пионы и ещё какие-то маленькие, похожие на лица бородатых старичков. В углу стоял сортир, в нём валялась куча пластиковых бутылок – бульбуляторов, через которые курилась трава, так много, что когда я ссал то слышал глухой стук струи по бутылкам. Перед входом в дом был высокий навес, накрытый шифером, под ним стояла кровать с растянутыми железными пружинами, Саня летом спал на этой кровати, когда сильно напивался, рядом расположилось кресло, старое, подранное, на нём почти всегда лежал пёс по кличке Гоша. Джон говорил, что он мопс, но общего с мопсом у него было только то, что он собака. А был Гоша маленький, с сильно выдающейся вперёд нижней челюстью, на которой сохранился только один передний зуб. Гоша не гавкал, а издавал звук похожий на хрюканье. Когда мы выходили из дома курить под навес, то он слезал с кресла и охотился за нашими ногами, стоило только отвлечься, он наскакивал на ногу и принимался ее трахать, это было отвратительно.

В доме у Джона всегда было очень жарко и летом, и зимой, пахло сыростью и едой, мы постоянно выметали всё, что было съестного, когда собирались у него, его мама вкусно готовила, особенно торты, у Джона всегда был торт. Рядом с прихожей располагался дверной проём, без двери, но с петлями на косяке, в кухню с мебелью и холодильником советских времён. Во всё это не вписывались современная микроволновка фирмы LG, электрический чайник и цветной китайский телевизор, на котором постоянно, фоном, без звука кто-то обязательно включал порнуху. Напротив входа в дом, также без двери, был проём в проходную комнату, часть которой они отгородили шифоньером, таким же старым и убогим, как мебель на кухне. В той части стояла кровать, на которой Джон спал, с другой стороны стоял поломанный диван, им его отдали мои родственники, у которых я живу. Олег – мой дядя всегда напоминал Джону при встрече, а встречались они часто, так как играли в одной рок-группе, что на этом диване они зачали четверых детей. За этой комнатой находился большой зал с двумя диванами, старинным, не рабочим проигрывателем на тонких, длинных ножках, и окнами, выходившими в переулочек. В этой комнате мы с Джоном записали как-то целый альбом вдвоём, я притаскивал магнитофон Sharp, который писал на кассету, сначала записывали партию барабанов с драм-машины, затем запускали запись, включали поочередно инструменты – бас-гитару, электрогитару и записывали наложением на другую кассету, в самом конце так же переписывали и поверх закатывали голоса.

Вспомнили, как устраивали «голые тусы», собирались толпой, раздевались, накуривались и бухали, стараясь не возбуждаться друг от друга, да и не обращать внимания, что мы все без одежды. На одной из таких тусовок Димончик танцевал стриптиз, вернее голым он уже был. В общем, мы вышли все во двор курить, шлёпки и тапочки разобрали, Димончику не досталось, а надевать свои кроссовки ему не хотелось. Он снял со стены пластмассовый таз, что висел над кроватью под навесом, поставил посреди двора, залез в него, прикурил косяк и стал танцевать, прерываясь на то, чтобы хапнуть. Интересно, что о нас думали соседи, ведь забор был из штакетника и если кто-нибудь был в это время у себя во дворе, то мог прекрасно видеть всё это безобразие.

Поперемывали с Джоном кости знакомым, ещё о моей женитьбе поговорили, и о том, что я начал вести дневник. Беседа заладилась, и я понял, как, а главное зачем решил жениться – мне надоела модель моего существования, я перерос сам себя, захотелось чего-то экстремального. И я надумал жениться.

От Джона уехал к Егору, встретил его после тренировки, зашли с ним в магазин, я взял овощей и сыра для сырной пасты. Приготовил, поужинали, накурились, посмотрели «Калифорнию» и легли спать.

Я долго не мог уснуть, вспомнил, как в первый раз поехал работать под пик имени Ленина на юге Киргизии портером. Это был снежный год и тропа от базы в долине Ачык-Таш была замечена снегом, так сильно, что вещи и провизию в первый лагерь невозможно было доставить на лошадях, приходилось носить людям.

Ночью раздался телефонный звонок, позвонил мой тренер по скалолазанию Василий Васильевич.

– Привет, Денис, хочешь под пик Ленина поехать работать?

– Здравствуйте, а там опасно? – Спросил я.

В ту ночь я сидел во дворе под орешинной и курил сигареты одну за другой, пытаюсь переварить в себе гибель девушки, которая была мне дорога.

– Да, опасно.

– Хорошо, поеду. – Ответил я. – Когда выезжать?

– Через три дня. – Ответил Тренер и положил трубку.

Я приобрёл в секонд-хенде кроссовки, тогда ещё не знал, что такое снежные горы, лазал только по скалам в ущелье Чон-Курчак рядом с городом и не поднимался ни на одну вершину. Подумал, что кроссовок будет достаточно. Василий Васильевич дал мне свой рюкзак фирмы «Манарага», красного цвета, я пришёл в гостиницу «Горы Азии», где познакомился со своими попутчиками, которых звали Лёша, только один был мой ровесник, нам было по шестнадцать лет, а второму Лёше за тридцать. Мы отправились на такси на рынок Дордой, погрузили рюкзаки в полу грузовую бусик Мерседес, набитый тканями и бытовой техникой, выехали в город Ош с четырьмя узбеками. Приехали в город утром, ехали пол дня и всю ночь, разместились в гостинице рядом со стадионом. Это был просто двор частного дома, посередине которого брызгал маленький фонтан, а по краям, вдоль забора раскинулся виноградник. Номера барачного типа, очень маленькие с тонкими, фанерными перегородками. Лёша, что постарше, выдал нам по 50 долларов на питание и мы отправились в город. Поели шашлык, выпили пиво, поднялись на Сулейман гору, что возвышается посередине города, местные жители почитают её как священную, они считают, что на ней восседал царь Соломон. Преодолели кучу ступенек под палящим солнцем, поднялись на смотровую площадку, я выкурил сигарету, полюбовались панорамой – весь город как на ладони. Потом прошли по тропинке вдоль «горки» – гладкий камень, по которому как по детской горке скатываются люди на спине, считается, что так исцеляется спина, там стояла большая очередь из женщин преклонного возраста, они скатывались и вновь занимали очередь. Дальше вдоль тропинки, мощёной плиткой мы прошли несколько гротов в которых сидят попрошайки, мнение местных на их счёт расходится. Одни утверждают, что они отшельники и чуть-ли не святые, а иные уверены, что они кланчат деньги у туристов, прикидываясь, что живут здесь. Мы решили свернуть с тропы и подняться немного выше, но стоило нам отойти несколько шагов в сторону, как мы наткнулись на целую кучу говна, видимо отшельники ходят сюда по нужде, а может и туристы. Вернулись на тропу, и она нас привела к музею в пещере, ничего особенного там мы не обнаружили – осколки древней посуды, макеты старинных городов, чучела животных, национальная одежда на манекенах, всё вперемешку, и за это ещё пришлось заплатить как туристам – нам не поверили, что мы местные. Спустились с другой стороны, ещё раз поели шашлык, в Оше он очень вкусный, пить пиво не стали, вернулись в гостиницу, завалились на койки, но уснуть было невозможно, потому что в соседних комнатках трахали проститутки, которые дико орал, скрипели пружины на кроватях, а их спинки бились о фанерные перегородки, казалось, что вот-вот одна из кроватей проломит стену и вкатится к нам со всем происходящим на ней. Мы пошли выпить, долго ходили по городу, покупая в ларьках пиво, потом проголодались и зашли в первое попавшееся кафе, оно уже закрывалось, но Лёша уговорил официантку накормить нас и даже присоединиться к нам. Мы взяли пол литра водки и ещё пива, напились в стельку. Лёша начал клеится к официантке, а я пошёл блевать в туалет, когда вернулся за столиком никого не было, уборщица сказала мне, что кафе уже закрылось и мой друг ждёт меня на улице, я вышел к Лёше.

– Пойдём в номер, там, наверное, уже всё утихло. – Предложил я.

– Не, давай дождёмся, когда она выйдет. – Сказал Лёша.

– Кто она?

– Официантка. Она сказала, что её встречать придёт парень с другом, я хочу посмотреть, что за парень, если лох какой-то, то заберу её в номер и выебу.

– Зачем тебе это? Пойдём, завтра весь день ехать в базовый лагерь.

– Всё равно там все трахаются, уснуть не получится.

Мы стояли в стороне, пили пиво и ждали. Подошли два парня, в широченных джинсах, кепках с прямыми козырьками и огромных ботасах, у одно на шее висела толстая цепь со значком NY. Вышла официантка, тот, что с цепью поцеловал её, взял за руку и они пошли по аллее.

– Пойдём за ними. – Сказал Лёша.

– Сдалась она тебе? Я спать хочу.

– Да, ты чего? Смотри, они лохи какие-то.

– Всё равно она с тобой не пойдёт! Ты перепил!

В итоге, мы с ними во дворе микрорайона, на лавочке пили водку, Лёша, сочинял, что мы с ним работаем сутенёрами у себя в городе, да именно работаем, развозим проституток по саунам на минивене. Я напился почти до беспомыслия и время от времени убегал в кусты блевать. Официантка в итоге отшила Лёшу, и мы ушли, шатаясь, к себе в номер. Проходя мимо стадиона, он зачем-то полез через забор, я следом, не удержался и ёбнулся с этой проклятушкой ограда, прям на задницу. Походили по рядам, попинали сидушки, а потом насрали посередине футбольного поля. Как я зашёл в номер и уснул, не помню.

Утром с тяжёлым похмельем и головной болью загрузились на переднее сидение КАМАЗа с полной будкой альпинистов из Италии и отправились через перевалы в базовый лагерь, на Памир. Дорога казалась для меня адом, болела жопа после ночного падения и я никак не мог усесться, всё время елозил и приподнимался. Водителя мы называли дядь Славка, он слушал Высоцкого, разрывавшего динамики маленького, китайского магнитофончика, который болтался под потолком кабины на проволоке. Дядь Славка рулил и по его щекам катились крупные слёзы от душераздирающего голоса и слов. Лёша спал, высунув ноги в окно. Тогда я понял Высоцкого, он для меня был открытием другого мира – гор, машин, альпинистов и шоферов. Особенно мне запала в душу песня «Банька по белому», почему, не знаю, просто запала и всё.

Приехали в базовый лагерь под вечер, поужинали и легли спать, ночью пошёл дождь и нашу палатку затопило, мы всю ночь пытались спасти свои вещи и спальники, но ничего не удалось. Под утро, когда дождь закончился, уснули, но ненадолго, нас разбудила Кузя – начальница лагеря, накаченная баба, почти чёрная от загара, с афрокосами по пояс. Она дала нам лопаты и отправила копать яму под мусор. Мы выкопали возле палатки, в которой жили два педика, когда мы проходили мимо неё в поисках места под мусорку, то услышали, как они трахаются и стонут. Так мы и определились где копать. Копали весь день с перерывами на еду, а педики куда-то смылись и до вечера не появлялись. За ужином Кузя сказала, что завтра отправит нас в первый лагерь с грузом, выйти надо в пять утра.

Уснуть долго не получалось, да ещё и живот прихватило, я вышел ночью в туалет, который стоял на холме возле озера. Поднялся на холм и увидел толпу голых девушек, плескающихся в воде, в свете полной луны. Они что-то кричали по-польски, некоторые целовались в воде, а две девушки ласкали друг друга на берегу. Я сходил в туалет, постоял ещё немного, полюбовался на женщин, потом вернулся в палатку, лёг спать.

Утром аппетита не было, я сунул в рюкзак газовый баллон, нас довели до «луковой поляны», так её называли из-за того, что там растёт много дикого лука. Мы нацепили рюкзаки и потелепались по узкой извилистой тропе к перевалу Путешественников, дальше по протоптанной в снегу тропе, извивающейся серпантинном вверх. Спустя много лет я помню свои ощущения как наяву – солнце палило, снег слепил, голова болела как никогда, воздуха не хватало, мысли лезли в голову, хотелось бросить рюкзак и уйти, уехать домой, я жалел, что приехал,

самое трудное было – это совладать с самим собой, заставить себя идти дальше, вверх. Вот это работёнка! Когда поднялись на перевал, передо мной открылся большущий ледник, покрытый белоснежным снегом и узкая тропа, она тянулась к леднику и исчезала в его складках. Мы перекусили на перевале, накинули тяжеленные, жёсткие рюкзаки и пошли вниз, моё снег промокшими ногами, перешли по камням реку с грязной водой. Нас догнали Артур и Миша.

– Как самочувствие, ребята?! – Крикнул Миша с другого берега реки.

– Неважно. – Ответил Лёша.

Они перебрались на нашу сторону. Когда карабкались, соскальзывая вместе с камнями по крутой тропе на ледник, река наполнилась водой со льдом и грязью, вся эта жижа с грохотом смыла камни, по которым мы перешли.

– Дамбу прорвало! – Крикнул Артур. – Нам крупно повезло, так бы смыло к чертям.

– Как обратно идти?! – Спросил я.

– Так же, через час уже всё будет как было. – Ответил Миша. – Там озеро ледниковое вверху небольшое, спустит его и всё. Так уже было в этом сезоне, наполняется и прорывает.

Мы вышли на ледник, связались вчетвером верёвкой и пошли по льду с ручейками, еле волоча ноги, впереди шёл Артур и постоянно подтягивал меня на верёвке. У меня пошла кровь носом, вырвало, разум затуманился, но я дошёл до первого лагеря, оставил газовый баллон, съел бутерброд с колбасой и сыром, мы с Лёшей пошли обратно. Река и вправду обмельчала, перешли по камням, поднялись на перевал, начало холодать, Лёша побежал вниз по тропе, я следом. Не понял, как я уже летел лежа на спине, вниз по ледяному насту, я пытался пробить его локтями и ногами, пробил ногами, меня перевернуло на живот, вниз головой. Полёт, перевернуло в воздухе... Удар... Я лежал внизу на тропе, болела спина. Аккуратно поднялся на ноги – «Вроде цел» – прошептал и пошёл по тропе в лагерь напевая песни себе под нос.

Следующие три дня мы провели в базе, окапывали юрты и палатки, чтобы во время дождя не подтекала вода, помогли дядь Славке разбортовать колесо, за это он отблагодарил нас пачкой сигарет – «Полёт» с фильтром. Работали на кухне, чистили картошку, мыли посуду, таскали воду вёдрами из реки, наполнили три двухсотлитровые бочки. Я раздобыл удобные высокие ботинки у одного умственно отсталого детины, огромного роста, он был чьим-то сыном и никуя не делал, болтался в лагере, жрал, купался в озере и запускал воздушного змея. Но ботинки его пришлись мне впору.

И вот мы снова отправились в первый лагерь, на этот раз я тащил мешок картошки, и пластиковый стол примотанный к рюкзаку, столешница как парус то подгоняла меня, то тормозила, ловя порывы ветра. Во второй раз идти было значительно проще, мы донесли груз до первого лагеря, оставили, поели и пошли вниз по леднику. У меня из-под ног ушла земля (если так, конечно, можно выразиться, потому что под ногами были снег и лёд). Полёт... Удар о стену... Я висел на верёвке, в узкой, ледяной расщелине, внизу журчала вода и было темно как в жопе у негра, дна не видно.

– Дэн, как ты?! – Крикнул Лёша.

– Вишу. – Ответил я. – Вытянешь?

– Не знаю! Попробую! – Я чувствовал, как соскальзываю, а Лёша кряхтел наверху.

– Давай я упрусь и попробую приподняться, а ты подтянешь! – Я крикнул, встал в распоры и стал, скользя приподниматься. Соскользнул и спустился ещё ниже, подтянув Лёшу к трещине, я медленно спускался. – Режь верёвку! – Крикнул я. – Я тебя утяну.

– Пробуй ещё!

Я снова встал в распоры, выпрямил ноги, немного приподнялся, повис, затем ещё раз так, потом ещё и ещё. Лёша меня вытянул. Мы посидели немного у края трещины, скурили по сигаретке, то смеясь, то плача и пошли дальше.

Я лежал ночью в палатке и меня переполняли чувства от того, что выжил, а ведь мог погибнуть, я готов был к этому, когда болтался на верёвке в трещине. Всегда думал о смерти,

но впервые подобрался к ней так близко, почувствовал её холодное дыхание, ощутил, как неизбежность. Она случится со всеми нами и нет в этом ничего плохого или страшного. Как же, бляха – муха, приятно выжить, чувствовать, как бьётся сердце, вдыхать воздух и мыслить...

Я проработал ещё около недели, поднялся в третий лагерь, всё также с Лёшей. Но на вершину выйти не удалось, точнее, мы сделали выбор не идти, а спустить вниз умирающего от обезвоживания альпиниста из Японии. Жизнь человека дороже всего, жизнь это единственное, что у нас всех есть в этом мире, без неё всё исчезает, перестаёт существовать. Но, увы, он не дожил до первого лагеря, умер между вторым и первым, мы спустили тело, Лёша жалел, что не поднялся на вершину, если бы он знал, что этим кончится, то не потащился бы, я не жалел, моя вершина была выше всех вершин этой планеты, я победил себя. Во мне родились новые ценности за эти пару недель. Чего стоят все вершины и богатства этого мира, если рядом с нами кто-то умирает, кому-то плохо? Победа любой ценой – это огромный провал, настоящая победа в другом...

Я незаметно провалился в сон.

19/09/15

Проснулся в обед, Егор ушёл на работу ещё утром рано, так что дома находилась только его мама – тётя Лена. На улице было пасмурно и холодно, с утра шёл ливень, но я его благополучно проспал. С т. Леной пили кофе, я пил его, а она не пьёт кофе, говорили о моей предстоящей женитьбе и о её сыне Егоре, которого тоже надо женить, о его кентяриках – собутыльщиках. О том, что Егору нельзя пить, а то ему сносит крышу, он начинает крушить всё кругом и молиться неведомой хуйне какой-то, в общем полный пиздец, у пацана горячка от бухла. Ещё она рада, что я с ним общаюсь, даже благодарна мне за это, несмотря на то, что недавно спалила целую банку анаши, которую, понакуре, мы забыли убрать с лоджии. Она, наверное, думает, что мы больше не курим, хотя такого и не обещали. Ещё она не знает, что Егор недавно взял кредит и мы купили два питбайка, катали по горам пока Прохор не спалил на моём движок. В общем, несмотря на всю хуйню в моей голове и жизни, она рада что я общаюсь с Егором и живу с ними, кстати, уже месяц как живу у них.

После всех бесед, пяти бокалов кофе, её рассказов о Романе – двоюродном брате Егора, а вернее о его семейной жизни в Москве, в татарской семье, где его дети бабушку называют Аника, а дедушку Бабай, все дружно исповедуют ислам, и живут в одном огромном доме. Он с женой, двумя детьми, её родителями, так ещё там её брат с женой и детьми живёт. В итоге он подал на развод. Я бы, если честно, тоже так поступил, но скорее всего не допустил такой ситуации в своей жизни. Хотя, хуй его знает, вот женюсь и посмотрю, до какой ебалы меня женитьба доведёт.

В итоге я уехал на велосипеде, благо у меня была кофта с собой, а то холод собачий стоял, накануне было солнечно, и я приехал к Егору в шортах, ноги заебунели. Когда ехал «домой» позвонил Гурам, спросил, чем занят, я ответил, что до вечера ничем, договорились через десять минут у меня «дома» встретиться. (Домом я называю то место, где находятся мои вещи и снаряжение, а не то место, где я ночую)

Мы посидели на кухне с Гурамом, выпили кофе. Я рассказал ему, что хочу продавать китайскую лапшу, сделать тележки-навильоны, прицепляющиеся к велосипеду, собранные из алюминиевого профиля, обтянутые ярким баннером. Красный фон, чёрный дракон и золотыми буквами написано «КИТАЙСКАЯ ЛАПША». Цепляешь такую штуку к велосипеду, подъезжаешь к универу в обеденное время и продаёшь. Лапшу с овощами и чёрными, древесными грибами разогреваешь в сковороде, в кисло-сладком соусе, переваливаешь в бумажный стакан и угощение готово. Антуражно, вкусно, а главное сытно. Не знаю, оживёт ли эта идея, если бы я воплощал все идеи, то обычной человеческой жизни на это не хватило бы. Гураму идея понравилась.

Выпили кофе, сыграли две партии в настольный хоккей, выиграл, кажется, я. Поехали на рынок искать «реснички» для машины и крышки на суппорты. Ничего не нашли, съели по шаурме, он мясную, я вегетарианскую, уже, кстати, полгода, как не ем мясо, год не пью алкоголь и полтора года не курю, только траву. Заехали в автомагазин в центре города, но тоже безуспешно. Вернулись «домой» сыграли пару партий в хоккей, повозились с мотоциклом, так и не разобрались в чём дело, то ли стартер, то ли с подачей топлива что-то, а может и свеча. Надо ехать на СТО проверять, очень «интересно», в чём же дело. К семи вечера я с братьями поехал на тренировку полазал сорок минут траверс, Прохор час лазал, я за каждый срыв добавляю пять минут. Затем боулдеринг лазали, пролез одну трассу. В конце тренировки немного побегали скорость. Постоял в планках (пиздец, как тяжело), пол часа занятия йогой. Обсудили с инструктором, молодым парнем, которого зовут толи Ильмар, толи Исмаил, (в общем как-то так), девушку, с которой я советовал ему потрещать. После тренировки поехал к Егору, сегодня его мама легла спать рано. Мы стояли на лоджии и курили косяк.

– Бля, Дэн, помнишь тебя на «поляне» Императором называли? – Спросил Егор.

– Конечно помню. – Засмеялся я.

В подземном переходе, где мы играли на гитарах, кто-то даже написал красной краской и большими буквами «ИМПЕРАТОР». Заебись было время.

– Ещё там дядь Усён, инвалид без ног, продавал самогон, ух, бля, хороший был самогон, вы пели, а потом все пили, пиздец мы напивались.

– Да, он, наверное, только на нас и зарабатывал, пили самогон и закусывали курутом.

Мы додули косяк, я завалился на кровать, а Егор сел в кресло, включили «Калифорнию», я достал тетрадь и начал записывать...

В центре города, возле памятника павшим героям во второй мировой войне собирались панки, хиппи, металлисты, сатанисты, пели в подземном переходе, девчонки «аскали» – приставали к прохожим с коробочкой для денег. Потом все дружно пропивали, а если удавалось нааскать много, то шли толпой в рок бар «Цеппелин» или «Tequila Blues», в которых играли рок группы. На «поляну» постоянно кто-то приезжал из соседних стран – Казахстана, России, Узбекистана, там можно было найти вписку, что-нибудь поесть, набухаться и накуриться.

С «поляной» у меня связано очень много, я там первый раз услышал песни Башлачёва в исполнении Мишани – Фромазия, он ходил в широченных джинсах с нашитыми огромными цветами, вырезанными из штор. Он тусил с хиппарями, они собирались возле библиотеки имени Чернышевского и курили траву, панки же бухали прямо в подземке и на памятнике, сатанисты и готы сидели на газоне под ёлками. Нас постоянно разгоняли менты, доёбывались гопники, кого-то забирали в опорку, кому-то давали пиздюлей, но всегда было весело и когда бы я ни приехал, в любое время, там кто-то был. Зимой грелись в дубовом парке возле вечного огня героям великой октябрьской революции. Я не помню, как пришёл туда в первый раз, кто меня привёл, да, этого, наверное, никто не помнил, «поляна» засасывала всех, даже гопники становились тусовщиками, начинали слушать «КиШей» или «Кино». Но зато я помню, что притащил туда Егора, он ходил с красным ирокезом, в косухе, и его, конечно же, тоже затянуло, он запил и пропал.

– Денис, Егора похитили. – Сказала как-то мне его мама, приехав к нам домой. – Ты где его видел в последний раз?

– На «поляне». – Мы с Гурамом ничего не могли понять. – С чего Вы взяли, что его похитили?

– Мне сегодня позвонила девушка и сказала, если я хочу, чтобы Егор вернулся, то надо заплатить выкуп.

– А с кем он общался? Вы видели кого-нибудь? – Спросил Гурам.

– Он приводил какую-то шалашовку, в татуировках вся, с большим носом.

– Это Ирка, наверное. – Предположил я. – Помнишь её, Гурам?

– Да, это к которой мы домой ездили?

– Да, может стоит её найти, раз он с ней общался?

– Вы знаете где она живёт? – Спросила т. Лена.

– Да, мы к ней в гости ездили один раз, у неё день рождения был, она нас пригласила. –

Ответил Гурам.

Она позвала нас как-то на день рождения, мы приехали, подарили ей какую-то хуйню и бутылку вина. Кроме нас никто больше не пришёл, мы выпили всё пиво, подаренное вино, съели торт и уехали. Спустя несколько дней после этого, мы приехали к Егору в гости, тогда он жил с родителями в большом доме, с сауной и огромной кухней. Он сидел один, т. Лена была на ночной смене, она работала горничной в частной гостинице, а его отец пил и уже давно не появлялся. Егор предложил сходить до пацанов на районе, они ему денег должны были, и трава у них была. Мы пришли. Калитку в больших железных воротах нам открыл огромный, бритоголовый пацан в одних шортах.

– А! Это ты, братан, заходите. – Мы поздоровались, он представился Димой, я – Мишей, а Гурам – Артуром.

– У тебя капуста есть? – Спросил Егор.

– Бля, братан, я на мели. Может курнёте?

– Сообрази чё-нить, нам бабло пиздец как нужно.

– Пойдёмте дунем, а я пока кого-нибудь напрягу.

Мы зашли в летнюю кухню, с обшарпанными стенами, грязным полом и раздолбанными табуретами, на которых за маленьким столом сидело ещё человека четыре, мы поздоровались, так же представившись вымышленными именами. Воняло помоями. На столе стояла кастрюля с водой. Димон забил водный и поджёг. Первым хапнул Егор, потом я и Гурам. Пацаны тем временем чикались на фофаны, выкидывали перед собой ладони после считалочки: «Расел, двасел, трис», камень, ножницы бумага, только вместо камня был колодец, бумага его накрывает, а ножницы в нём тонут. Потом проигравшему все ставят фофаны. Мы хапнули по три раза, закашлялись и прикурили сигареты. Трава оказалась хуёвой, совсем не зацепила. В кухню заглянула женщина с растрёпанными волосами и запитым лицом.

– Опять анашу курите! Твари!

– Иди в пизду! – Заорал Димон.

– Сам туда иди, уёбок несчастный!

– Пошла на хуй! – Димон кинул в неё пустой бутылкой, она ловко увернулась и ушла.

– Кто это? – Спросил Гурам.

– Мама моя. Алкашка ебанная. Хочешь выебать её? Даст за пузырь.

– Нет, спасибо, у меня денег нет. – Гурам придвинулся ко мне и шепнул. – Надо съёбывать.

А пацаны всё чекались и стучали друг другу по голове. Посередине, между двух бритых детей сидел пацан с тупым выражением на лице, его все чморили. В каждой компании есть такие чмошники, их унижают, пиздят, посылают за бухлом, а они почему-то терпят и тупо улыбаются. Я всегда сочувствую таким пацанам, мне их даже жаль немного, возможно от того, что я не такой озлобленный как окружающие, а может нахожу в них родственную душу, хотя какая у них там душа, раз они позволяют так к себе относиться. А ещё я всегда боялся стать таким додиком, наверное, они все боялись, поэтому и угнетали его. Проиграл чмошник и все стали раздавать ему тумачи с большей яростью чем друг другу, один промахнулся и попал ему по переносице, из носа хлынула кровь. Я шепнул Егору, что надо забрать бабло и идти.

– Димон, блядь, лаве гони. – Сказал Егор.

– Братан, бабла совсем нет, хочешь травы возьми.

– Нахуй мне твоя трава, она не цепляет. Я сам такой в арыке нарву. Пиздуй, вон, бутылки сдай. – Егор показал пальцем на кучу стеклянных бутылок в углу.

– Бля, точно. Эй, ебан, блядь. – Обратился Димон к чмошнику. – Пиздуй, бутылки сдай.

– У меня нос в крови. И как я их понесу? В кармане, что ли? – Чмошник засмеялся, видимо он подумал, что хорошо пошутил.

– Долбаёб, я тебе мешок дам, иди умойся.

Димон принёс мешки, белые, из-под сахара. Мы сложили в них бутылки, получилось два неполных мешка. Чмошник умылся и потащил мешки в пункт приёма, один он закинул на спину, перекинув через плечо, а второй поволочил за собой. «Подними мешок» – крикнул ему Димон, – «только разбей мне хоть одну бутылку». Мы скурили ещё дрянной травы по несколько хапок. Я ушёл в туалет, деревянный, грязный и вонючий, в углу двора, сел срать. Всё лучше, чем сидеть в компании этих ублюдков. Через пять минут вернулся чмошник, меня позвал Гурам, я подтёрся, вышел, попрощался с пацанами, и мы пошли за водкой.

Денег хватило на три бутылки водки и арбуз. Мы вернулись к Егору, выпили по паре рюмок, закусили арбузом. Гурам сделал коктейль, в блендере размолот арбуз и влил туда водку. Получилось мерзкое пойло, но мы его выпили. В огороде нашли куст анаши, ободрали, скурили, не торкнуло. Зашли в дом, Егор достал спрятанную за шифоньером видеокассету с лесбийским порно, включил. Мы сидели, пили водку, ели арбуз и смотрели как две бабы лизжут друг другу между ног, потом одна из них кончила сквиртом и Гурам вспомнил про Иру. Позволили ей на домашний, нам повезло, она подняла трубку, объяснили, как добраться, попросили взять водки и подружек. Пока она ехала к нам, мы включили разогреваться сауну и допили вторую бутылку.

Ира приехала одна, привезла пол литра водки и пять литров пива. Арбуз закончился, и мы пили водку, запивая пивом. Егор стал приставать к Ире, предложил ей пойти в сауну, она согласилась, долго они там не просидели, она всё заблевала, вывалилась оттуда и вырубилась, прям возле двери на полу, на кухне. Егор отнёс её в комнату, положил на диван и поставил таз возле неё. Мы допили водку с пивом, начало светать, проснулась Ира, мы с Гурамом ушли ко мне домой, а Егор с ней продолжил бухать. Мы, конечно же, т. Лене этого не рассказали.

Т. Лена вызвала такси, мы поехали искать по памяти Ирин дом, колесили по всему району, в итоге нашли. Постучали в ворота, открыла пожилая женщина, т. Лена сразу налетела на неё, с криками: «Где Ира!». «Какая Ира, женщина, вы чего?» – удивилась хозяйка дома. В итоге выяснилось, что Ира здесь не живёт, но по описаниям эта женщина узнала её, сказала, что она её учительница и, видимо, та взломала замок и жила у неё дома, пока женщина-учитель была в отпуске.

Вечером т. Лена написала заявление в милицию, и мы вместе с ментами поехали снова к этой женщине, она рассказала то же самое ментам и написала заявление о взломе. Потом поехали на «поляну», менты с т. Леной ходили, показывали всем фотографию Егора и спрашивали, кто и когда его видел в последний раз. Мы же с Гурамом сидели в машине, нам было стыдно показываться вместе с ментами, всё это было отвратительно, ещё как назло моросил дождь и небо закрывали свинцовые тучи, погода сгущала краски всего происходящего. Гурам в бардачке ментовской машины нашёл пачку сигарет и стянул несколько штук, потом мы мерили фуражку по очереди, трещали электрошокером, который лежал на панели. Т. Лена и менты вернулись к машине, расспросы не увенчались успехом.

На следующий день утром Егор пришёл домой, как ни в чём не бывало, никто его не похищал, он просто забухал вместе с Ирой, она не растерялась и решила воспользоваться положением, но Егор просто приехал домой и ей ничего не удалось.

Первая «поляна» появилась в подземном переходе возле филармонии, но менты быстро разогнали всех, потому, что напротив находилась мэрия. Тогда все перешли в подземку возле ЦУМА, тусовка стала набирать обороты, одно поколение сменяло другое, я попал в пятое поко-

ление на «поляне». Иногда «старые полянщики», списывались в Аське, собирались на «старой поляне», возле филармонии, и приходили к нам, тогда набиралась толпа под пол тысячи. Мы всей «поляной» мечтали собраться однажды и уехать в Петербург автостопом, но этого, конечно, не произошло.

На «поляне» я встретил девушку, её звали Ольга, у неё были огромные, зелёные глаза, которые мне очень понравились. Она была сатанисткой, а я нет, поэтому вся её тусовка была против нашего общения. У неё были прям изумрудные глаза, и я не верил, что человек с такими глазами может быть плохим, она, кстати, плохой и не была, просто попала в плохую компанию. Они ездили ночами на кладбище, убивали кошек, проводили обряды, не знаю, что они там точно делали, но с её слов они вызывал дьявола и он им помогал в их проблемах, как помогал, тоже было тайной. Руки у неё по локоть были покрыты шрамами, некоторые из которых были ритуальными надрезами, но в основном это были попытки суицида. Я познакомился с её мамой, которая просила меня помочь Ольге, а именно повлиять на неё, чтобы она прекратила общаться с сатанистами. И нам это удалось, Тамара, так звали её маму, набрала в церкви святой воды и поила ею Ольгу. А я старался отвлечь её от компании и показать другой мир. Ольга мне часто говорила, что она хочет выйти из всего этого, но её не отпускают. В итоге она всё-таки сняла с себя сатанинскую атрибутику, перестала ездить на кладбище, но по-прежнему продолжала с ними бухать на поляне. А бухали они жёстко – запивали таблетки демидрола водкой и часто валялись в отрубе под ёлками в центре города.

Снова накурились с Егором. Он рано завалился спать, а я переписывался с Юлей, у меня было вдохновение писать, и я писал ей.

20/09/15

Проснулся, как обычно у Егора дома, в 11:00 и лежал, разглядывал комнату, её размеры, наверное, 3 метра на 4 метра. С одного угла вход в комнату, получается у моих ног, что мне не очень понравилось, спать ногами ко входу плохая примета. С другой стороны, у изголовья кресло со всяким барахлом и моей футболкой, за ним, в углу комнаты стеклянная тумбочка, вдоль другой стены окно, закрытое тюлем и пластиковая дверь на лоджию. Посреди комнаты пневмокресло, повернуто ко мне спинкой, за ним стол – книжка на половину разложена, на столе огромный монитор, клавиатура, коврик для мыши и мышь, колонки, пустая тарелка из-под винограда. Дальше вдоль стены напротив меня, диван угловой, на нём Егор, ещё спящий в штанах и кофте, над ним картина коричневая лошадь в золотой, увесистой рамке. Между нами журнальный столик с какой-то грязной тряпкой, я долго смотрел на неё и силится понять, откуда она взялась и зачем она здесь лежит. Рядом две кисушки одна со скорлупками от семян подсолнуха, другая из-под самих семян, мой телефон... На этом моё разглядывание закончилось. Я дотянулся до телефона, затем до зарядки посередине комнаты, воткнутой в удлинитель. Залез проверить почту в Facebook, было несколько лайков к тупой картинке, которую я опубликовал ночью в обкуренном состоянии. ВКонтakte ничего интересного и сообщений от Юли тоже не было, она вчера отключилась не предупредив, а уже почти полдень и от неё нет никаких вестей, я написал ВКонтakte, что волнуюсь, затем залез в Whats App нашёл нашу переписку и написал ей туда, затем полистал контакты в Whats App и понял, что написал не ей, номер чей, я не знаю. Чуть погодя этот номер мне ответил: – Дэн, ты чего? Как дела? – Я написал, что ошибся, дела неплохо. Мы обменялись шаблонными фразами, пришли к выводу, что давно не виделись и надо встретиться, но я так и не понял, с кем переписывался. Затем позвонил Егору, разбудил его звонком. Он долго просыпался, пока он это делал, я позвонил Джоню, хотел заскочить к нему, он ответил, что к нему сегодня придут по работе и не получится увидеться. Егор тем временем проснулся окончательно, я дал ему ампулу и ипприц, пока он набирал свои стероиды в ипприц, я выглянул в окно. Погода хорошая, осенний, тёплый день, на улице раскинулись старьёвщики со своим допотопным дерьмом. На

лodgeю ко мне вышел Егор со шприцем. Я его ширнул, шприц выкинул в окно. На плите засвистел чайник. Пока шел на кухню, мне позвонила Нэллия, сказала, что хочет выехать за город на машине на пару часов и предложила мне поехать с ней, я согласился, договорились, что через полчаса она за мной заедет. Мы сходили в магазин, я купил кусок пиццы с грибами, а Егор батон и новинку, хлеб с картошкой (редкостное говно). Пока я ел пиццу и пил кофе, позвонил Гурам, предложил поехать с ним в село «Ленинское» прокатать диски, мол там дешёво. В итоге приехал Гурам и Нэллия, но мы с Нэллией уехали вдвоём, с Гурамом решили увидеться позже. Долго решали куда ехать, в итоге решали по пути. Была масса тягостных пауз, я выдавливал из себя шутки, а она выдавливала смех покосив по горным сёлам, мы заехали в ущелье Аламедин и стали карабкаться вдоль заброшенной канатной дороги. До верхней цели мы так и не добрались, в сай не спустились, в общем ничего интересного, я только растравил душу, захотелось на Иссык-Куль, на южный берег, в каньоны. Вспомнился солёный ветер, глиняные стены, как мы курили траву, катались на велосипедах, ночами бухали Текилу. Полный отрыв! Густо усеянное звёздами небо и мёртвая тишина в каньоне, а на берегу шелест волн. Внутри воспоминания начали давить, стало грустно. Обрато ехали медленно, молчание висело, ближе к городу меня встретил Гурам, я поблагодарил Нэллию, а она меня. Я пересел в машину Гурама и мы поехали обедать, по пути забрали его подругу Ренату. Долго придумывали, что съесть, в итоге он взял шаурму, а я цветную капусту в кляре и два дранника, два энергетика по скидке. Затем мы поехали в «Новопокровку» забирать какую-то хуйню. Гурам всю дорогу шутил, я молчал, а Рената смеялась, было легко и хорошо. Обрато ехали молча, слушали Нагано, Гуфа и всех как-то пригрузило. Доехали до дома Ренаты, попиздели о какой-то хуйне, а потом погрузились в воспоминания о школьных годах.

Весной, под конец учебного, девятого года на школу совершили набег «инкубовцы» – так называли учеников спортивного интерната, потому что их одевали в одинаковые спортивные костюмы синего цвета с белыми тремя полосками в виде лампасов, у них были одинаковые рюкзаки – мешки со звёздами голливудских боевиков, а вместо лямок пришита верёвка.

Я сидел в классе на уроке географии, когда услышал крики во дворе школы и звук бьющегося стекла. Я выглянул в окно, в школьном дворе была толпа «инкубовцев», они кого-то избивали и бросали камни в окна школы. Сначала мы все прилипли к окну, а потом побежали на улицу, похватав всё, что попадало под руку: стулья, вазы, портфели с учебниками. Мы выбежали в переполненный от других учеников коридор, потом на улицу, на крыльце лежал охранник и из его глаза торчал ржавый кусок арматуры, вокруг него и ниже по лестнице были кровавые отпечатки подошв с разнообразными рисунками. Я сбежал по ступенькам, в руках у меня был школьный стул, я начал махать им в разные стороны и громко кричать, периодически я попадал им по кому-нибудь, минут через десять боя «инкубовцы» убежали, посреди двора лежал Руслан без сознания и Кирилл с ножевым ранением в живот. Донёсся звук сирены, подъехали машины с ментами, две скорые, менты разговаривали с учителями, врачи положили на носилки Руслана, Кирилла и мёртвого охранника, загрузили их в кареты скорой помощи. Учителя нас начали загонять в здание школы, а врачи оказывать первую помощь пострадавшим, перематывать разбитые головы, порезанные руки и ноги, у меня был сломан нос, мне дали спонжики, я их вставил в обе ноздри, задрал вверх голову и пошёл в школу по окровавленным ступенькам.

Потом «инкубовцы» забили стрелку с нами в роще за кинотеатром «Октябрь», мы подготовились всей школой, взяли ножи, кастеты, дубинки, некоторые даже разжились огнестрельным оружием. Когда мы выходили с Гурамом из школы, к нам подошла классная руководительница и взяла под руки.

– А вы пойдёте со мной к директору.

Произнесла классная сквозь зубы, она всегда говорила, не разжимая рта, а тут она даже не шевелила губами, напряжёнными от гнева. Нам ничего не оставалось, мы пошли на второй этаж в кабинет директора.

– Послушайте, ребята, – Обратилась к нам директриса, – вас поставили на учёт в милицию.

– Только нас? – Спросил я. В кабинете никого больше не было.

– Да, только вас двоих, из-за недавнего происшествия.

– Что мы сделали?

– Вы устроили драку! – Крикнула классная руководительница, так же не разжимая зубы, это выглядело смешно.

– Это не мы устроили, а те, кто напал на школу. – Округлив удивлённо глаза, сказал Гурам.

– Вы вышли на улицу и стали драться с ними. – Ответила директриса.

– Все вышли, почему мы виноваты? – Спросил я.

– Всё, хватит разговоров! – Крикнула классная. – Вы поставлены на учёт и в конце этого года либо вы сами уйдёте из школы, либо мы вас исключим.

– Вы нас выгоняете? – Гурам был сильно растерян.

– Не выгоняем, но предлагаем вам уйти самим. – Сказала директриса. – Если не уйдёте, тогда выгоним. – После небольшой паузы продолжила. – И не говорите ничего родителям, иначе у вас будут проблемы.

– Как мне объяснить, что я бросаю школу?

Я был зол, мне школа-то и не нравилась, не нравились учителя, одноклассники, все были злыми, закомплексованными и постоянно отыгрывались – учителя на нас, мы друг на друге.

– Скажите, что поступите в техникум, вот ты, Денис, поступи в музыкальное училище, ты же играешь на пианино и гитаре. – Сказала классная уже мягким тоном, как будто пол минуты назад она и не сердилась вовсе.

– Надеюсь, вы нас хорошо поняли и не будете портить себе жизнь? – Спросила директриса.

– Поняли. – Гурам вышел и хлопнул дверью. – Ну, пиздец. Нашли козлов отпущения. – Сказал он мне уже в коридоре.

– Да и похуй, мне всё равно не нравится эта школа, впустую время только тратим. – Я пошёл вниз по ступенькам.

Проходя мимо кинотеатра, мы слышали крики и видели, как «инкубовцы» разбегаются по улицам, а наши одноклассники их догоняют, валят на землю и запинывают. Но нас это больше не касалось, через месяц начнутся экзамены, а потом мы навсегда уйдём из школы, у нас будет другая жизнь.

Вечером мы поехали в рок бар «Цепелин», там выступала группа «Три с половиной», в которой играл на соло-гитаре мой дядя, а на бас-гитаре Джон. Мы сильно напились, подрались с кем-то, потом поехали ко мне домой и говорили всю ночь о том, что случилось и придумывали, что нам теперь делать.

Мы сдали последний экзамен, пошли с одноклассниками в кафе возле школы отмечать, напились. Ваню предложил закутить, сказал, что у него есть хороший афганский гашиш, я, Гурам и Талыч согласились. Мы пришли на стройку, он достал из щели в стене, завёрнутый в фольгу кусочек гашиша, раскrapалил, забил в сигарету, наклюнявил кончик косяка, прикурнул и передал Гураму, потом Гурам передал мне, я затянулся, закашлялся, у меня сразу закружилась голова, я передал Талычу. После второй затяжки воздух стал густым, мысли спутались, я не понимал, где нахожусь и что происходит. Ваню рассказывал анекдоты и сильно смеялся, Талыч тоже пытался шутить, но не мог довести мысль до конца. Я сидел, смотрел на них и думал о своём будущем – «Какое оно будет? Что будет со мной? Сначала родители развелись,

а теперь из школы выгоняют. Как же так получилось? Почему я стал таким?» – думать было тяжело, мысли давили и сменяли одна другую. – «Это всё дурацкая школа» – решил я сам для себя – «если бы не она, я бы не сидел сейчас обдолбанный на стройке».

– Бля, пацаны, мы сейчас утонем. – Сказал Гурам, он сидел на бетонной плите, сильно расставив ноги в разные стороны и наклонившись вперёд. – Мы умрём, сильный шторм. – Он начал раскачиваться в разные стороны.

– Пиздец его накрыло! – Крикнул Ваню и засмеялся.

– Гурам, попей воды, тебе станет легче. – Талыч протянул ему бутылку с водой.

– Бля, наш корабль тонет. – Гурам начал пить, потом его стало сильно тошнить. Ваню смеялся, а я и Талыч пытались прийти в себя, но это было очень сложно, мы были во власти наркотика.

Спустя пару часов Ваню ушёл. Мы взяли с Талычем Гурама под руки и повели на остановку, он постоянно падал, что-то бубнил невнятное, мы его поднимали и вели дальше. Остановили маршрутку, загрузили Гурама, сами сели и поехали в сторону его дома. Вышли из маршрутки, дотащили до двери в квартиру, позвонили в дверь, открыла его мама. Гурам упал на четвереньки и пополз в свою комнату.

– Что случилось? – Его мама сильно напугалась.

– Напился. – Ответил я и мы с Талычем поехали по домам.

Летом поступили с Гурамом в техникум на программистов. При поступлении у меня были сильно расширены зрачки атрапином, не знаю зачем, но потом мне выписали очки. Которые я так и не стал носить, я ничего не видел, лишь мутные очертания и экзамены вступительные сдавал устно.

В сентябре началась учёба, в первую же неделю весь первый курс собрал Сэм, за общением, что располагалось напротив академии – он учился в этой шараге когда-то и «держал» её. Когда мы с Гурамом зашли за здание, то увидели в пустынном и пыльном дворе общаги всех сидящих на корточках, в центре стоял Сэм, он размахивал руками и говорил, что за каждого из нас любому жопу порвёт, что нам надо держаться всем вместе, и за всё это каждый должен ему в неделю всего по десятке. Он назначил Вову, рыжего парня смотрящим за общагом нашей группы, мы с Гурамом угорали, но остальным было не до шуток, все загрузились.

Через неделю, когда пришло время скидываться, к нам подошёл Еврей, он был авторитетом в шестом микрорайоне и нашим одноклассником, половина лица у него было обожжённой, а вместо уха просто отверстие среди блестящего шрама. Он сказал, что подтянул Ванчопу и тот всё решит за весь первый курс, поэтому мы все всего раз по червонцу скинемся и отдадим ему. Мы скинулись по чирику, а после пар в условленное время пошли за общежитие. Все так же сидели на корточках, а Сэм с Евреем в центре общались, приехали здоровые мужики и начали наезжать на Еврея размахивая ножами, я и Гурам стояли в стороне, мы уже знали, чем кончается такая хуйня. Мы увидели, как возле общаги остановилась маршрутка, оттуда вышли несколько парней, подошли к нам.

– Салам-Олейкум, – поздоровался один из них с нами – Где тут тёрки?

– Там. – Кивком показал Гурам.

Парень зашёл в круг поздоровался с Сэмом, началось общение за весь первый курс, за жизнь, кто есть кто по жизни и, кто по какой двигается. Сэм не выдержал и кинулся на Ванчопу, но резко отпрыгнул от него, как ошпаренный, я не понял, что произошло, Сэм упал на колени держась за левый бок, по его руке потекла кровь, лицо скривилось от боли, он заплакал и упал в пыль, Ванчопу держал в руках нож, все молчали, как воды в рот набрали. Тут мужики, которые были с Сэмом закричали, что они менты и кинулись на Ванчопу, он побежал прочь, пробежал мимо нас с Гурамом, следом менты, я подставил одному подножку и тот упал. Но это не помогло, Ванчопу поймали и увезли, приехала скорая, забрала тело Сэма. Так Сэм скон-

чался, Ванчопа сел в тюрьму, и мы всем первым курсом взгревали его на зоне, кто чем может – мыло, сигареты, чай, еду. Больше нас никто не трогал... А про Ванчопу потом сняли фильм.

На день студента мы всей группой пошли в рэперский клуб, в котором было темно, полно народа, воняло потом, перегаром и туалетом. Все постоянно цеплялись друг к другу, мы с кем-то подрались и уехали к знакомой Жене, которая жила в бараче, денег хватило только на бутылку водки, так как скинулись на общий стол в клубе. У неё в холодильнике было пусто, только морковка, приехала наша общая знакомая Даша, мы сидели в маленькой комнате, за письменным столом на табуретках, в углу стоял шкаф без одной дверцы, рядом с ним маленький холодильник, разложенный диван, из потолка, посередине торчал провод с лампочкой. Мы слушали Evanesence, пили водку и закусывали морковкой. Потом приехал Парашютист, выпил глоток водки, завалился на диван вместе с Дашей. Мы заметили, что они трахаются, когда Даша начала истошно орать. Мы пили, кусали морковку, орал китайский магнитофончик и Даша. Потом Парашютист уехал. Мы настелили матрасов на пол и легли спать, я с Гурамом на полу, а Даша с Женей на диване.

На этом воспоминания окончились, Гурам докинул меня до моего переулка, мы с Ренатой соседи. Я съел «дома» какую-то хуйню, позвонил лесбиянкам, хотел напроситься к ним в гости на ночь, а они оказались на концерте Никитиных, после они сами идут в гости, в общем, меня отпустили. Пришлось ночевать «дома». Лежал в ванной, слушал «Katatonia» читал Умберто Эко (не плохо пишет, но, кажется, настоящие книги, это охуенно ебанутая жизнь автора, иначе получается скучно).

Перед сном вспомнил, как познакомился с лесбиянками. У Ментора тогда был клуб «Human club» назывался, а у меня с Упырём магазин «Traverse», в том же здании, только вход с противоположной стороны, со всяким горнолыжным говном, который закрылся при удивительных обстоятельствах. Я шёл в магазин на свою смену торговать, и мне дорогу перебежала чёрная кошка – «не к добру» – подумал я и пошёл дальше, решив проверить, что произойдёт сегодня. Пришёл в магазин, открыл его, вышел на улицу, закурил, был тёплый зимний день, снег таял, солнце слепило, я грелся в его лучах и мечтал о расширении и больших доходах. Меня отвлек хлопок внутри магазина, я зашёл и увидел пожар, пламя охватило всю стену, где был электрический щит и лежали лыжные маски. Я схватил огнетушитель и принялся заливать всё пеной, благо у нас был огнетушитель. С огнём боролся не долго, минут десять, когда языки пламени исчезли, я обнаружил, что маски расплавились, превратившись в одну плоскую лужу пластмассы. Позвонил Упырю, и мы с ним решили, что пора закрывать магазин, заебало это всё уже. А загорелся щиток с автоматами, снег начал таять, крыша оказалась прохудившейся, и вода полилась прям на провода.

Я часто после работы в магазине заходил к Ментору в клуб, лесбиянки – Крис и Наташа, работали за баром и жили с Ментором в съёмной квартире, на чердаке. Потом клуб закрылся, лесбиянки переехали в дом Крис, и делали в нём ремонт. Как-то они попросили меня починить им вел, я приехал вечером на своём велосипеде и по пути меня застал ливень, такой сильный, что я промок до трусов и замёрз до костей, остался ночевать у них, спали все в одной постели на полу. Утром проснулся с ангиной и температурой под сорок, они уговорили меня остаться и принялись меня лечить, накупили лимонов, имбиря, малинового варенья, отпаивали всем этим, а я лежал в постели, смотрел фильмы и на них, ходящих голышом по дому. Потом я выздоровел, но остался жить у них, прожил около месяца. К ним постоянно приходили друзья, приносили выпивку и закуску, мы пили, потом все в повалку спали на настеленных матрасах на полу.

Было прикольно, они шныряли голышом по дому, часто ругались, потом мирились в постели. У них были всякие секс-игрушки, раскиданные по всему дому.

Как-то я сидел, на кухне, читал, тогда, кажется, «Шантарам» Грегори Дэвида Робертса, не плохо пишет, увлекательно. Так вот, сижу я, читаю, пью кофе, а в комнате вопли, бьются вазы,

потом резко всё переменялось на стоны, «мирятся» – я ухмыльнулся. И тут мне приспичило в туалет, прям так сильно, что я не в силах удержать дерьмо в себе, а пройти в туалет можно только через комнату, в которой «мирятся». Я подошёл к двери приоткрыл, через щелочку увидел, как они кувыркаются в кровати под одеялом, «Блядь» – пробормотал я. Я никогда ещё не видел, как они трахаются. Меня эта картина возбуждала, но говно хотело вырваться из меня, я подумал, что получится проскочить незаметно. Собрался с силами, открыл дверь и побежал на носочках мимо них, стараясь не глядеть.

– Эй, блядь! – Крикнула Крис. – Ты охуел, что ли?

– Мне посрать приспичило. Простите.

Я сидел на толчке и понимал, что пора сваливать от них. И сейчас как раз тот самый – подходящий момент. Я вышел из туалета и объявил им, что съезжаю. Сел на вел и укатил.

21/09/15

Проснулся разбитым, Прохор бредил, кричал ночью и вскакивал, он вообще прогоняет иногда сильно. Недавно во сне выбежал на улицу, перемахнул через забор и только там, на переулке проснулся, это пиздец как страшно: глаза стеклянные, дико орёт прыгает, как ёбаный человек паук. Завтракать было нечем, подкачал колёса на велосипеде и поехал на репетицию. На репетиции ничего интересного не происходило. Пили кофе, пиздели хуйню, кидались подушками. Я немного пожёг аромопалочку, чтобы сбить вонь сырости и сигаретного дыма. После репетиции поехал «домой», пожарил гренки, сходил в ванную, почитал там Умберто Эко. И поехал преподавать в «Мастерскую», учеников долго не было, я нарисовал мою любимую, имитируя графитом технику угля. С опозданием на пол часа привели девочку. Та не захотела заниматься и сидела, рисовала свой рисунок, а я рисовал банки, спичечные коробки и всю хуйню, что меня окружала, убивал время как мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.